

Секция «Международные организации и мировые политические процессы»

Состояние и перспективы ШОС с точки зрения общей теории геостратегии

Рябченко Никита Юрьевич

Студент (специалист)

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь

E-mail: novembre117@gmail.com

Цель настоящего исследования состоит в применении методологии общей теории геостратегии для определения текущего состояния и перспектив ШОС как потенциального геостратегического актора [2].

В ходе исследования были применены следующие **общенаучные и специальные методы**: методология общей теории геостратегии, методы системного и структурно-функционального анализа, индуктивный и дедуктивный метод, метод синтеза информации.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) является постоянно действующей межправительственной международной организацией, созданной 15 июня 2001 года в Шанхае (КНР). По состоянию на начало 2023 года странами-участницами ШОС являются Россия, Китай, Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Индия и Пакистан. Четыре страны имеют статус государства-наблюдателя при ШОС: Иран, Афганистан, Монголия и Беларусь. При этом повышение статуса Ирана до полноправного члена Организации ожидается в апреле 2023 года; в минувшем году аналогичный процесс запущен в отношении Беларуси [5].

Исходя из объективного странового потенциала, *ключевыми участниками ШОС в целях геостратегического анализа будем считать Россию, Китай, Индию и Иран*. Чтобы дать интегральную оценку текущего состояния ШОС, опишем геостратегическую триаду (военная мощь, экономика и технологии, психоисторические смыслы) и уровень пассионарности этнических систем для упомянутых ключевых стран [2].

Россия является ведущей военной, арктической и ресурсно-энергетической державой, но имеет системные проблемы в финансово-экономической сфере и по широкому спектру производственных технологий [3]. В плоскости психоисторических смыслов она сохраняет концептуальную неопределённость, но обладает ценным опытом глобальной проектности (реликты советского проекта). Культурный канон населения России левоконсервативный, уровень пассионарности выше среднего, во внутренней политике продолжается противостояние имперских и компрадорских элит [2].

Китай является экономической и инфраструктурной сверхдержавой, обладая достаточным комплексом технологий. Однако системные проблемы Китая — в его зависимости от глобального платёжеспособного спроса, межрегиональных диспропорциях и крайнем несоответствии структуры производства и потребления. Реальный уровень проектности Китая строго национальный, его конфуцианские психоисторические смыслы плохо сочетаются со смыслами других акторов. При этом он очень неоднороден в этническом и языковом отношении, уровень его пассионарности средний, но повышается субъектность его национально-ориентированной элиты [1]. Китай уязвим в быстрой вооружённой борьбе, не имея сети военных баз за рубежом.

Индии свойственна самая высокая демографическая динамика, она занимает ведущие позиции в сфере цифровых и фармацевтических технологий [3]. При этом слабость Индии — в сочетании архаичного и постмодернистского укладов при сохранении системы варн. Вследствие жёстких социальных барьеров реальный уровень её пассионарности ниже среднего. При этом психоисторические смыслы Индии близки к праволиберальным, уровень проектности национальный, степень противостояния элит невысока, но сохраняется сетевое влияние элит Британии и Финансового интернационала.

Иран обладает наиболее устойчивой действующей моделью верховной власти с высокой степенью сплочённости имперских элит. Он также является крупной ресурсно-энергетической державой; его военный, научно-технологический и инфраструктурный потенциал выше среднего [3]. Психоисторические смыслы Ирана шиитско-суфийские левоконсервативные, уровень проектности региональный, пассионарность населения высокая. При этом системная проблема Ирана — в разобщённости исламского мира, который невозможно объединить только на основе иранских инфраструктуры, финансово-экономической модели и психоисторических смыслов [2].

Далее оценим **проблемное поле ШОС как единого субъекта геостратегии**. Прежде всего, в организационном отношении её слабой стороной является официальная внеблочность, ограничивающая проведение единой внешней и оборонной политики [8]. Другую потенциальную проблему представляет высокий уровень противоборства и противоречия элит в России, Китае и странах Центральной Азии, равно как и западное влияние в Индии. Более того, текущая стратегия ШОС не заявляет общего глобального проекта: ни одно из государств-участников не оперирует действующими психоисторическими смыслами глобального уровня значимости, что осложняет гармонизацию культурных канонов России, Китая, Индии и Ирана [7]. При этом серьёзную угрозу продолжает представлять влияние Британии и Турции в Центральной Азии. В экономической плоскости проблемой является неравномерная инфраструктурная связанность стран ШОС, необходимость экономического перестраивания Китая и Индии в условиях распада глобального мира и большая инерция техно-экономических разрывов в России.

Таким образом, ШОС является макрорегиональным геостратегическим субъектом переходного типа. В краткосрочной перспективе она обеспечивает *дипломатическую платформу в рамках ситуативного союза сильнейших держав Евразии для согласования их политики по противодействию конгломерату морских и сетевых держав Запада — США, Британии и Финансового интернационала* [6]. В среднесрочной перспективе наличие у неё существенного проблемного поля необходимо приведёт к преобразованиям организационного формата и состава участников: чтобы стать геостратегическим актором с полноценной субъектностью, *ШОС должна оформиться в самодостаточный панрегион с высокой внутренней связанностью, симбиозом культур, единой внешней и оборонной политикой* [4].

При этом наиболее вероятно, что в состав нового Евразийского панрегиона *войдёт лишь часть стран из нынешней конфигурации ШОС:*

- Так, сценарий преодоления Китаем внутренних проблем на фоне втягивания Индии в орбиту AUKUS и QUAD при инерционной политике России ведёт к фактическому распаду шанхайской конфигурации и неравновесному формату китайско-российских отношений (Россия как военный наёмник-вассал Китая) [2];
- Сценарий же преодоления проблем Центральной Азии силами России и Ирана на фоне ослабления Турции и британского влияния ведёт к построению оси Москва — Тегеран — Дели, впоследствии мирно соперничающей с Пекином [3];
- Наконец, сценарий формирования Россией панрегиона по европейскому вектору (ЦВЕ, Балканы, Прибалтика, Малая Азия) по мере ухода США из европейской политики и на фоне усугубления внутренних проблем Китая и Индии сохранит из текущей конфигурации только связку Москва — Тегеран, необходимую для совместного контроля и гармонизации каспийского региона.

Источники и литература

- 1) Вавилов, Н.Н. Китайская власть. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021.
- 2) Школьников, А.Ю. Национальные стратегии: Геостратегический взгляд на будущее мира и России. 2021-2090 годы. — СПб.: Corvus, Энциклопедия, 2022.
- 3) Доклад Изборского клуба «Аркаим XXI век — концепция геостратегического усиления России и её союзников»: <https://izborsk-club.ru/23722>.
- 4) Доклад Валдайского клуба «Мир без сверхдержав»: <https://ru.valdaiclub.com/files/43157/>.
- 5) Самаркандская декларация Совета глав государств-членов ШОС от 16 сентября 2022 года: <http://rus.sectesco.org/politics/>.
- 6) Совместное заявление РФ и КНР о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии от 4 февраля 2022 года: <http://kremlin.ru/supplement/5770>.
- 7) Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года: <https://sco-russia2020.ru/images/17/25/172545.pdf>.
- 8) Хартия Шанхайской организации сотрудничества от 7 июня 2002 года: <https://sco-russia2020.ru/images/17/25/172532.pdf>.

Иллюстрации

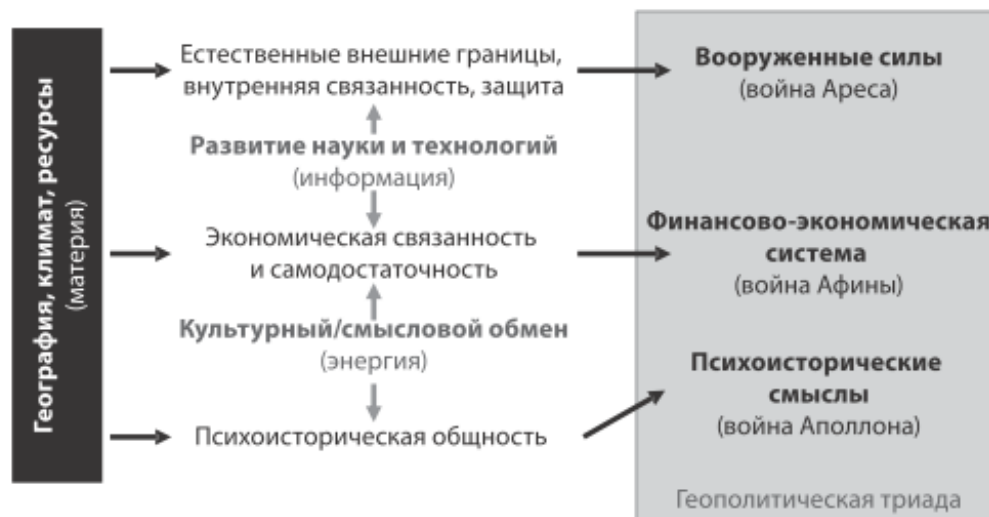

Рис. : Общая модель геостратегии А.Ю. Школьников [2]

Рис. : Модель геостратегического актора [2]

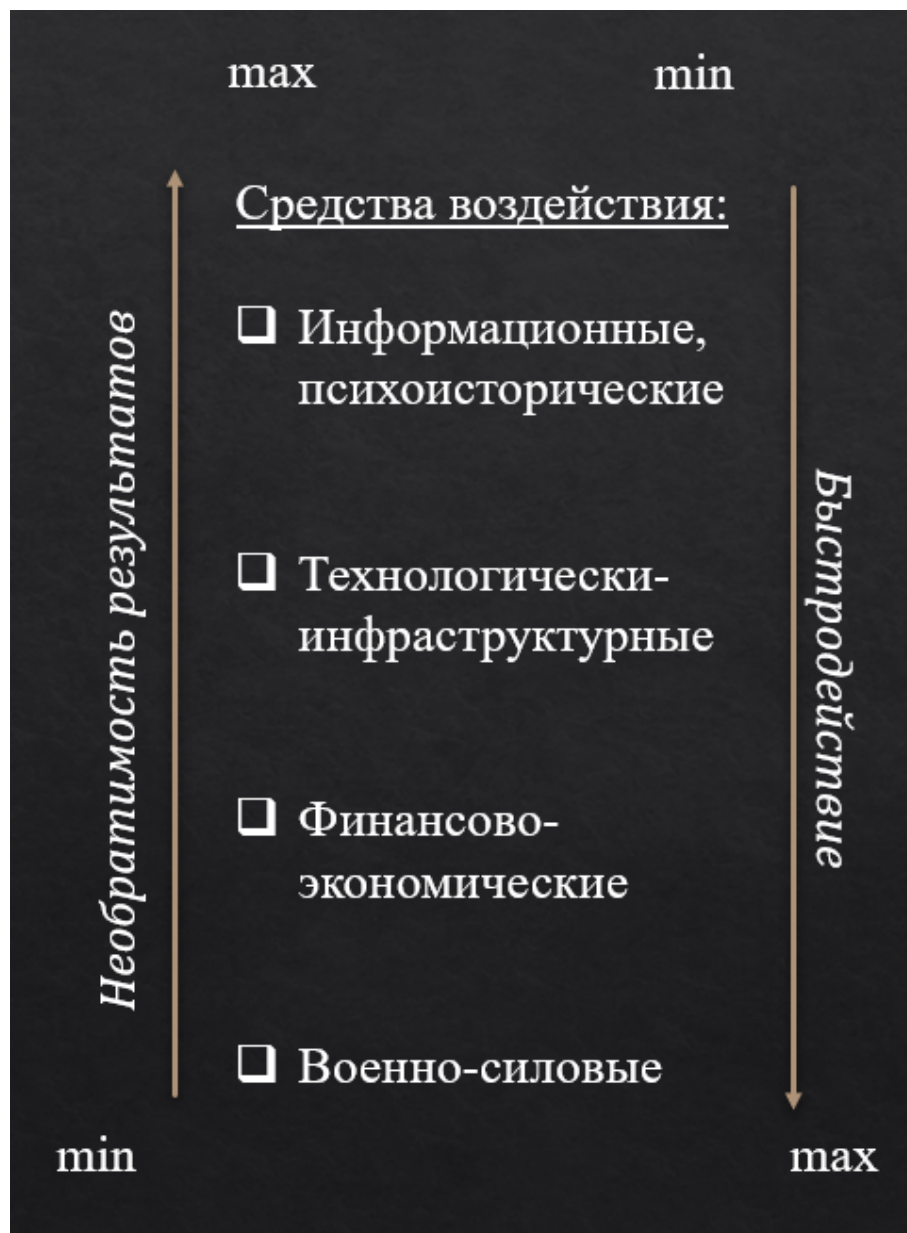

Рис. : Соотношение быстродействия и необратимости результатов для инструментария войн Ареса, Афины и Аполлона (авторская разработка)